
А.В. Бакунцев

ЛЕКЦИЯ И.А. БУНИНА «ВЕЛИКИЙ ДУРМАН»
И ЕЕ РОЛЬ В ЛИЧНОЙ И ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЕ ПИСАТЕЛЯ

Статьи подобного рода обычно начинаются словами о недостаточной разработанности соответствующей темы. Однако в нашем случае эта стандартная формулировка неприменима. Тема, к которой обратились мы, не разработана вообще. Научной литературы как таковой о лекции И.А. Бунина «Великий дурман» не существует. В лучшем случае речь может идти лишь об отдельных (как правило, весьма кратких) упоминаниях в немногочисленных статьях и монографиях¹. Поэтому основу данного исследования составили дневники и письма И.А. и В.Н. Буниных, публикации в одесской печати периода Гражданской войны и другие материалы — главным образом историко-литературного и историко-биографического характера.

Автор статьи выражает признательность сотрудникам Одесской национальной научной библиотеки им. М. Горького за любезно предоставленную возможность работать с фондами Отдела рукописей и редких изданий.

* * *

Лекция «Великий дурман» была прочитана Буниным дважды — 8 (21) сентября и 20 сентября (3 октября) 1919 г. — в Большой химической аудитории Новороссийского университета в Одессе. Оба раза аудитория была переполнена. «Великий дурман» произвел на слушателей ошеломительное впечатление.

По свидетельству В.Н. Муромцевой-Буниной, во время первого чтения писатель «так увлекся, что забыл сделать перерыв, и так овладел вниманием публики, что 3 часа его слушали, и ни один слушатель не покинул зала. <...> Когда он кончил, то все встали и долго, стоя, хлопали ему. Все были очень взволнованы. <...> И многие, многие подходили и говорили какие-то слова...»² Особенно восхищал-

¹ См.: *Бабореко А.К.* Глагол времен // Бунин И.А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи / Сост., вступ. ст., примеч. А.К. Бабореко. М., 1990. С. 10–11; *Он же.* Бунин: Жизнеописание. М., 2004. С. 244; *Василевская О.* Отверженная Россия // Бунин И.А. Великий дурман / Сост., вступ. ст., примеч. О.Б. Василевской. М., 1997. С. 4; Из творчества И.А. Бунина эпохи Гражданской войны / Вступ. ст. и публ. Г.Д. Зленко // *Филологические записки (Воронеж)*. 1995. Вып. 4. С. 24; *Михайлов О.Н.* Окаянные дни И.А. Бунина // Бунин И.А. Окаянные дни / Сост. А.В. Кочетов. М., 1991. С. 9; *Он же.* Неизвестный Бунин // Бунин И.А. Окаянные дни: Неизвестный Бунин / Сост., вступ. ст., коммент. О.Н. Михайлова. М., 1991. С. 12; *Он же.* Жизнь Бунина. Лишь слову жизнь дана... М., 2002. С. 320; *Мальцев Ю.В.* Бунин. Франкфурт-на-Майне; М., 1994. С. 254; *Свалов А.Н.* Бунин // *Общественная мысль русского зарубежья: Энциклопедия* / Под общ. ред. В.В. Журавлева. М., 2009. С. 226 и др.

² Устами Буниных: Дневники И.А. и В.Н. Буниных и другие архивные материалы: В 2 т. / Сост. М. Грин; предисл. Ю. Мальцева. М., 2004. Т. 1. С. 258–259.

ся «Великим дурманом» византинист-искусствовед академик Н.П. Кондаков, с которым спустя некоторое время Бунин начал редактировать газету «Южное слово», основанную в Одессе в августе 1919 г. Добровольческой армией. Свое восхищение бунинской лекцией Кондаков в разговоре с Муромцевой-Буниной выразил весьма экспрессивно: «Ив<ан> Ал<ексеевич> — выше всех писателей, сударыня, это такая смелость, это такая правда! Это замечательно! Это исторический день!»³

На втором чтении, как отметила в своем дневнике Муромцева-Бунина, «публики было еще больше. Не все желающие попали. Слушали опять очень хорошо. Ян читал лучше, чем в прошлый раз, с большим подъемом»⁴.

Не исключено, что уже в процессе работы над «Великим дурманом» Бунин намеревался не только публично прочесть, но и опубликовать его. Успех лекции только укрепил писателя в этом намерении, тем более что и общественность была морально готова к появлению печатной версии «Великого дурмана»⁵. Подготовка такой версии — в виде книги или брошюры — была поручена новообразованному одесскому издательству на паях «Русская культура». В анонсах, помещенных издательством в газетах «Южное слово» и «Единая Русь»⁶, бунинский «Великий дурман» стоял на первом месте среди книг, которые «Русская культура» намеревалась выпустить⁷. Однако дальше заявлений дело не пошло: по неизвестной причине «Великий дурман» так и не был издан⁸.

И все же в печати бунинская лекция в конце концов появилась — правда, не целиком, а в виде небольшого цикла из четырех статей — или, как тогда говорили, «фельетонов» — под общим заглавием «Из “Великого дурмана”». Эти «фельетоны» были опубликованы в ноябре 1919 — январе 1920 г. в газетах «Южное слово» и «Родное слово»⁹, а затем не раз — как правило, по отдельности — перепеча-

³ Устами Буниных. Т. 1. С. 259.

⁴ Там же.

⁵ Уже через четыре дня после первого чтения лекции критик Б.С. Вальбе писал в «Одесском листке»: «Когда эта лекция будет напечатана, она вызовет большое “столкновение” мнений, как пресловутые “Вехи” и др. прокурорские книги» (*Вальбе Б.* «Великий дурман»: (Из лекции И.А. Бунина) // Одесский листок. 1919. 12 (25) сент. № 115. С. 4).

⁶ См.: Южное слово. 1919. 27 сент. (10 окт.). № 31. С. 1; 28 сент. (11 окт.). № 32. С. 1; 3 (16) окт. № 36. С. 1; 4 (17) окт. № 37. С. 1; Единая Русь. 1919. 24 сент. (7 окт.). № 35. С. 1.

⁷ Наряду с «Великим дурманом» готовились к изданию еще две книги писателя — два сборника: один прозаический (под заглавием «Двадцать рассказов»), другой стихотворный («Великая Русь»). Однако изданы они не были.

⁸ Единственная гипотеза относительно причин этого высказана в «Комментариях» к сборнику бунинской публицистики 1918–1953 гг.: «Вероятно, издание не осуществилось, так как вскоре Одесса была занята красными» (*Морозов С.Н., Николаева Д.Д., Трубилова Е.М.* Комментарии // Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. М., 2000. С. 484). Однако нам эта гипотеза представляется не очень правдоподобной. До окончательного захвата Одессы большевиками в начале февраля 1920 г. у издательства было целых три месяца на то, чтобы выпустить «Великий дурман», тем более что его объем, как полагает одесский историк-краевед Г.Д. Зленко, не превышал двух листов (см.: Из творчества И.А. Бунина эпохи Гражданской войны. С. 24). В любом случае данный вопрос остается открытым.

⁹ См.: Бунин И. Из «Великого дурмана» // Южное слово. 1919. 17 (30) нояб. № 76. С. 2; 24 нояб. (7 дек.). № 82. С. 2; 30 нояб. (13 дек.). № 88. С. 2–3; Родное слово. 1920. 17 (30) янв. № 5. С. 2. Газета «Родное слово» стала издаваться сразу после прекращения «Южного слова» в январе 1920 г. В том и другом издании Бунин формально редактировал литературный отдел.

тывались в разных эмигрантских и отечественных (преимущественно постсоветских) периодических и книжных изданиях¹⁰.

На сегодня опубликованные фрагменты «Великого дурмана» являются единственными источниками текста бунинской лекции, так как ее рукопись бесследно исчезла. По крайней мере, среди автографов писателя, находящихся как в отечественных, так и в зарубежных архивохранилищах (включая Русский архив Лидского университета), этой рукописи нет¹¹. Возможно, она была утеряна или уничтожена Буниным. Но нам представляется более вероятным, что Бунин как бы «растворил» ее в текстах других своих публицистических произведений, написанных уже в эмиграции. Например, таких как статьи «Самогонка и шампанское» (1921), «Страна неограниченных возможностей» (1921), «Инония и Китеж» (1925), отдельные части «Записной книжки» (1920–1930), знаменитая речь «Миссия русской эмиграции» (1924), но главным образом — «Окаянные дни» (1925–1935).

Связь «Великого дурмана» с этими произведениями, на наш взгляд, несомненна. Дело тут не только в общности проблематики и пафоса, но и в явных, порой дословных совпадениях, которые, конечно, неслучайны. «Окаянные дни» в этом смысле особенно показательны. В этой книге налицо не просто переклички или

И.А. Бунин. Иллюстрация из еженедельного журнала «Фигаро». Рис. И. Мексина. Одесса. 23 июня (6 июля) 1918

¹⁰ См.: Скорбь земли родной: Сб. ст. 1919 г. Нью-Йорк, 1920. С. 44–50; Бунин И.А. Окаянные дни. Под серпом и молотом / Сост. Р. Тименчик. Рига, 1990. С. 115–121; Он же. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. С. 339–343; Он же. Великий дурман: Из лекции, прочитанной в 1919 г. в Одессе // Литературная газета. 1991. 18 сент. С. 9; Он же. Окаянные дни: Неизвестный Бунин. С. 132–137; Он же. Великий дурман. С. 33–38; Он же. Публицистика 1918–1953 годов. С. 45–63; Он же. Собр. соч.: В 8 т. М., 2000. Т. 8. С. 358–363; Бунин в «Южном слове» / Публ. Б. Липина // Звезда. 1993. № 9. С. 131–136; Из творчества И.А. Бунина эпохи Гражданской войны. С. 22–33 и др. К сожалению, в этих републикациях содержится целый ряд искажений — главным образом технического характера, вызванных ошибками наборщиков, переписчиков или публикаторов. Безусловно, оставлять эти тексты в их нынешнем состоянии нельзя, требуется серьезная текстологическая работа, результатом которой должна стать новая републикация цикла «Из «Великого дурмана», причем в том виде, в каком он был обнародован при жизни автора (разумеется, с учетом современных норм орфографии и пунктуации).

¹¹ См.: Морозов С.Н., Николаев Д.Д., Трубилова Е.М. Комментарии. С. 484.

совпадения с одесской лекцией Бунина, но прямые текстовые *заимствования* из нее. Так, для записей от 22 и 24 апреля, 15 мая, 10 июня 1919 г. в «Окаянных днях» материал явно был взят из разных мест «Великого дурмана». Пока на это обратили внимание только авторы «Комментариев» к сборнику бунинской публицистики 1918–1953 гг.¹² Остальные буниноведы, пишущие об «Окаянных днях», почему-то упорно продолжают не замечать очевидного¹³. Например, Д. Риникер, говоря об идейной и генетической связи «Окаянных дней» с публицистикой писателя, имеет в виду только тот «материал, который он [Бунин] уже раньше публиковал в разных *эмигрантских* периодиках»¹⁴ (курсив наш. — А.Б.).

* * *

«Великий дурман», по существу, единичный случай обращения писателя к столь не характерному для него жанру лекции. Ни до, ни после «Великого дурмана» Бунин лекций как таковых никогда не читал. Правда, в 1914 г. газеты сообщали о его намерении «написать лекцию о русских писателях последних дней» и выступить с ней «перед публикой»¹⁵. Однако замысел этот воплощен не был¹⁶. А в эмиграции и вовсе желания становиться лектором у писателя не возникало. Даже

¹² См.: Морозов С.Н., Николаев Д.Д., Трубилова Е.М. Комментарии. С. 485, 488, 489, 490, 492.

¹³ Они не замечают и того, что у «Великого дурмана» и «Окаянных дней» — одна и та же литературная основа, а именно бунинские дневниковые записи 1917 — первой половины 1918 г. В эмиграции этих записей у Бунина не было — они по какой-то причине остались в России. Поэтому во время работы над «Окаянными днями» — которые, вопреки широко распространенному мнению, являются вовсе не дневником, а произведением, написанным в форме дневника, — писатель на них «не мог опираться» (Риникер Д. «Окаянные дни» как часть творческого наследия И.А. Бунина // И.А. Бунин: pro et contra / Сост. Б.В. Аверина, Д. Риникера, К.В. Степанова. СПб., 2001. С. 644). Но почему-то никому из исследователей, включая Д. Риникера, не приходит в голову естественная мысль, что отсутствие этих записей могло быть — и, несомненно, было! — «компensировано» текстом «Великого дурмана». Д. Риникер в своей статье вспоминает о бунинской лекции лишь для того, чтобы процитировать из нее строки, подкрепляющие его (по существу, безусловно, правильный) тезис о присутствии в «Окаянных днях» летописного начала и о том, что «в связи с революцией, в воистину “грозные для страны и народа годы”, летописная традиция стала для Бунина особенно актуальной» (Там же. С. 647).

¹⁴ Там же. С. 633.

¹⁵ Б. п. У И.А. Бунина: Беседа // Московская газета. 1914. 21 апр. № 310. С. 6. Цит. по: «Литература последних годов — не прогрессивное, а регрессивное явление во всех отношениях...»: Иван Бунин в русской периодической печати (1902–1917) / Предисл., подгот. текста и примеч. Д. Риникера // И.А. Бунин. Новые материалы / Сост., ред. О. Коростелев и Р. Дэвис. М., 2004. Вып. 1. С. 553. Бунинская лекция «о русских писателях последних дней» должна была стать частью организованного Российской академией наук цикла публичных лекций о русской литературе. Предполагалось, что, помимо Бунина, читать будут также академики Д.Н. Овсяннико-Куликовский, А.Н. Веселовский и Н.А. Котляревский (см.: Там же).

¹⁶ Как предполагает Д. Риникер, Бунин «решил вместо публичной лекции написать статью о современной литературе, которую обещал в 1915 г. Горькому для публикации в журнале “Современник”» (Там же. С. 553–554). Однако такая статья тоже не была написана. Судя по ее черновым наброскам, она повторяла некоторые положения знаменитой бунинской речи на юбилее «Русских ведомостей» и одновременно превосхищала ряд тезисов «Великого дурмана»: «Оторванность от жизни, незнание ее, книжность, литературщина — гибель от нее: Бальмонт, Брюсов, Иванов, Горький, Андреев. И это “новая” литература, “добыча золотого руна”! Кописты, архивариусы! Подражание друг другу. Да что же! Так легче писать!..» (Там же. С. 554).

на нобелевских торжествах, которые, помимо церемонии награждения, всевозможных банкетов, визитов, экскурсий и т. п., предполагали также выступления лауреатов с публичными лекциями, Бунин ухитрился уклониться от исполнения этой почетной обязанности. Его краткую речь, произнесенную на банкете после получения премии, Шведская академия «зачла» ему за такую обязательную нобелевскую лекцию¹⁷.

Впрочем, если верить интервью, которое еще в 1916 г. Бунин дал петроградской газете «Биржевые ведомости», то писатель *в принципе* не любил выступать перед публикой. Интервьюеру он сказал: «Я, признаться, не особенный поклонник всяких выступлений с эстрады вообще, и когда мне приходится лично читать на вечерах, то я смотрю на это как на весьма неприятное положение. Ведь публика ждет так называемых “высоких” слов, декламации, а все это мне чуждо, и мне кажется, что я не умею устанавливать связи между собою как чтецом и публикой. В интимном кругу друзей я читаю с удовольствием, но выступать вообще, на эстраде, не люблю...»¹⁸

Насчет «связи между собою как чтецом и публикой» Бунин, конечно, скромничал: русская публика, как дореволюционная, так и эмигрантская, очень высоко оценивала его исполнительское мастерство. Так, по свидетельству газеты «Русское слово», творческий вечер Бунина, состоявшийся 8 декабря 1915 г. в Политехническом музее, «прошел в сплошных аплодисментах и овациях... Публика как бы спешила воспользоваться публичным выступлением писателя, чтобы ярче, полнее и теплее выразить ему свою благодарность и симпатии...»¹⁹ Примерно так же о бунинских творческих вечерах отзывалась «контрреволюционная» печать Одессы, а затем и русского зарубежья.

В любом случае, что бы ни говорил Бунин о своем отношении к необходимости «лично читать на вечерах», ему, так же как множеству других русских литераторов, приходилось это делать довольно часто — причем и до революции, и в годы Гражданской войны, и в эмиграции. Ведь публичное чтение собственных произведений не только способствовало росту писательской известности, но и приносило дополнительный заработок. Однако своим «Великим дурманом» Бунин, очевидно, преследовал совсем иные цели. Какие же именно?

С одной стороны, в самом обращении к жанру лекции — с ее сугубо монологической формой изложения материала, с ее более или менее явно выраженной дидактичностью и, соответственно, с ее возможностями целенаправленного интеллектуального и эмоционального воздействия на аудиторию — легко усмотреть (вслед за Д. Риникером) стремление Бунина создать себе «определенную

¹⁷ См.: *Троцкий И.* Что рассказывают о своих сыновьях матери ученых — нобелевских лауреатов: (От специального корреспондента «Сегодня») // *Сегодня* (Рига). 1933. 17 дек. № 348. С. 2. Речь была произнесена по-французски. Ее дословный перевод в те же дни напечатала газета «Сегодня» (см.: *Троцкий И.* «Кто я такой? — Изгнанник, пользующийся гостеприимством Франции», — заявил И.А. Бунин в своей речи в Шведской академии // Там же. 1933. 11 дек. № 342. С. 1). Оригинальный текст и авторский перевод даны в бунинском очерке «Нобелевские дни» (1936).

¹⁸ *Фрид С. И.А.* Бунин о новой литературе // *Биржевые ведомости* (Петроград). 1916. 14 апр. № 15498. Вечерний выпуск. Цит. по: *Литературное наследство*. М., 1973. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 1. С. 380.

¹⁹ Цит. по: *Бабореко А.К.* Бунин: Жизнеописание. С. 218.

литературную репутацию»²⁰. Многие и в тексте «Великого дурмана», и в отзывах о нем одесских журналистов как будто говорит в пользу этой гипотезы. Так, от рецензентов не ускользнул своеобразный бунинский «я-центризм», который выражался как в принципиально субъективном, «пристрастном» взгляде писателя на «великую русскую революцию», так и в его настойчивом, насколько можно понять, подчеркивании собственной литературной и общественной значимости. Одних — как П.С. Юшкевича, сотрудника меньшевистских газет «Южный рабочий», «Грядущий день» и «Одесские новости», — этот «я-центризм» раздражал²¹, другим — как журналисту, краеведу, общественному деятелю А.М. де Рибасу — казался вполне оправданным²². Однако даже жена Бунина была не вполне «удовлетворена» лекцией, и смущал в ней Веру Николаевну именно избыток «личного»²³.

Несомненно, подобное бунинское «яканье», причем не только в «Великом дурмане», но и в других как устных, так и печатных выступлениях носило вполне осознанный характер. В ноябре 1919 г., отвечая на нападки социалистических и близких им по духу изданий — «Южного рабочего», «Одесских новостей», «Современного слова», — Бунин прямо писал, что в своей деятельности публициста он руководствуется следующим принципом: «Вот что чувствую и думаю *лично я и в данный момент*»²⁴. При этом он открыто причислял себя к категории «людей, все-таки не совсем рядовых»²⁵ и даже более того — именовал себя (как, например, в статье «Не могу говорить», написанной за пять месяцев до «Великого дурмана») «Божиею милостью не последним сыном своей родины»²⁶. Между тем в формировании определенного общественного мнения о Буине как о крупном писателе, патриоте участвовала и одесская пресса — больше всего, конечно, «Южное слово». Например, в отчете о концерте одесского отделения Освага (Отдела пропаганды

²⁰ «Литература последних годов — не прогрессивное, а регрессивное явление во всех отношениях...». С. 453.

²¹ «Если поверить акад<емику> Бунину, — писал Юшкевич в газете «Грядущий день», — то все случившееся за последние два года произошло потому, что русское общество недостаточно прислушивалось к голосу автора «Деревни». <...> «Я не злорадствую», — скромно заявил поэт. «Но я должен и буду говорить жестокие слова»... «Я буду упрямо твердить»... «Я, я, я»... Ущемленный какими-то неведомыми фармацевтами еще много лет назад и заговоривший вдруг тоном пророка Бунин действительно «упрямо твердил» о своем знании народа как единственно правильном... Бунин действительно «рек» — в стихах и прозе — очень много ценного, — хотя, разумеется, было бы лучше, если бы он предоставил об этом говорить другим, а не распространялся так много на эту тему сам» (Юшкевич П. Революция перед судом художника: (Из лекции Бунина) // Грядущий день. 1919. 23 сент. № 4. С. 3).

²² «Русский народ, — писал в «Одесском листке» де Рибас, — разнузданный и зазнавшийся, показал всем свое настоящее, звериное, лицо и стал зверски расправляться со своими же освободителями. Это *надо* было предвидеть. И Бунин это предвидел. Едва ли не он один из всех русских писателей. <...> Что, собственно, хотел доказать Бунин? Что если бы послушались его, то в России не произошло бы революции? Но ведь он сам признается, что и он, вместе с другими, в распутинское время жаждал революции! <...> Значительность лекции Бунина не в силе ее логических построений. Она вся целиком — в личности лектора» (Рибас А., де. Фельетон: О второй лекции Бунина // Одесский листок. 1919. 25 сент. (8 окт.). № 127. С. 4).

²³ См. ее дневниковую запись от 24 сентября (7 октября) 1919 г.: «...с некоторыми мелочами я не согласна. Мне хотелось бы, чтобы было меньше личного» (Устами Буниных. Т. 1. С. 259).

²⁴ Бунин И. Заметки // Южное слово. 1919. 12 (25) нояб. № 71. С. 1. Курсив И.А. Бунина.

²⁵ Там же.

²⁶ Бунин И. Не могу говорить // Наше слово. 1919. 20 марта (2 апр.). № 1. С. 3.

при Добровольческой армии), который состоялся 30 августа (12 сентября) 1919 г. и на котором Бунин прочел некое «слово к моменту»²⁷, газета назвала его «нашим славным современником» и без тени иронии повторила его же самохарактеристику из статьи «Не могу говорить», приведенную выше²⁸. А в рецензии на «Великий дурман» было сказано, что в этой лекции «И.А. Бунин вновь вырастает во весь свой исполинский рост великого художника слова»²⁹.

Нельзя сказать, что все эти усилия были вполне успешными: травля, развернутая левой периодикой в отношении Бунина осенью 1919 г., свидетельствует о том, что общественный авторитет писателя был признан далеко не сразу и далеко не в полной мере. Тем не менее устные и печатные выступления самого Бунина, а также публикации его апологетов в «Южном слове» и других периодических изданиях Одессы сыграли заметную роль в формировании нового, более благоприятного отношения к писателю со стороны сначала одесской, а затем и эмигрантской общественности.

Вместе с тем сводить весь смысл тогдашней деятельности писателя исключительно к созданию «определенной литературной репутации» — это значит ставить под сомнение искренность его чувств и недооценивать глубину той нравственной драмы, которую Бунин действительно пережил в годы революции и Гражданской войны. То, о чем Бунин говорил в своей лекции, было для него не абстракцией, не игрой ума: очередная «русская смута» коснулась и его лично. «Экссессы» революции ему довелось испытать на себе и в Глотове, и в Москве,

И.А. Бунин. Иллюстрация из еженедельного журнала «Огоньки». Рис. Гольденберга. Одесса. 1 (14) декабря 1918

²⁷ Скорее всего, это была статья «Не могу говорить», напечатанная пятью месяцами ранее, 20 марта (2 апреля) 1919 г., накануне первого прихода в Одессу красных в первом номере газеты «Наше слово».

²⁸ См.: Янв<арск>ий А. Концерт Отдела пропаганды // Южное слово. 1919. 1 (14) сент. № 6. С. 4.

²⁹ Иванов А. Великий дурман // Там же. 10 (23) сент. № 15. С. 3.

*И.А. Бунин. Шарж неизвестного автора
из еженедельного журнала «Театр и кино».
Одесса. 1 (14) января 1919*

и в Одессе. Особенно тяжелое воспоминание оставили по себе неполные пять месяцев (с апреля по август 1919 г.) большевистского владычества в «южной Пальмире». О том, что писателю пришлось пережить за это время, рассказано не только в «Окаянных днях» и в дневнике В.Н. Муромцевой-Буниной, но и в совместном письме Буниных от 29 сентября (12 октября) 1919 г. к доктору И.С. Назарову: «Физически нам приходилось страдать только от недоедания, т. к. у нас прислуга оставалась все время, и сами мы воды не носили и жили барами. Морально же пришлось пострадать порядочно, т. к. у большевиков не было ничего святого и ко всему они прикладывали свои не совсем чистые руки. Особенно было тяжело от половины мая до середины июля, когда, с одной стороны, с каждым днем все ухудшались и

ухудшались условия жизни... а с другой, начался настоящий террор: хватали и как контрреволюционеров, и как заложников. <...> Ивана Алексеевича немного потравили в газетах³⁰, затем ходили слухи, что его возьмут в заложники, но, к счастью, этого не случилось. А то недели три неприятно бывало по вечерам. Мы вообще счастливо отделались»³¹.

³⁰ 12 (25) апреля 1919 г. Муромцева-Бунина записала в дневнике: «Яна стали травить в “Известиях”. Пишут, между прочим, что “нижняя часть его лица похожа на гоголевский сочельник”. Что это значит, мы так и не поняли. Перелистала даже Гоголя, но и он не помог» (Устами Буниных. Т. 1. С. 200). Ср.: «В “Известиях” обо мне уже писали: “Давно пора обратить внимание на этого академика с лицом гоголевского сочельника, вспомнить, как он воспевал приход в Одессу французов!”» (Бунин И.А. Окаянные дни. М., 1990. С. 85–86. [Репринтное воспроизведение издания: Бунин И.А. Собр. соч.: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 10]).

³¹ Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. М., 2007. С. 409.

Эти пять месяцев «под серпом и молотом» окончательно убедили Бунина в его полной несовместимости с «рабоче-крестьянской властью». Вероятно, именно они и «подказали» ему замысел будущей лекции, материал для которой постепенно накапливался в его дневнике в предшествующие годы. Сама же лекция стала своего рода криком души писателя, который, по его же собственному выражению из давнего, 1916 г., интервью «Биржевым ведомостям», оказался «насыщенным страшными впечатлениями» и захотел «рассказать их»³².

* * *

«Великий дурман» обозначил новый, «переломный» этап в личной и творческой биографии Бунина. Однако «переломность» этого этапа носила не только литературно-прагматический и психологический, но еще и общественно-политический характер. Своей лекцией писатель открыто заявил о своих нравственных принципах и политических предпочтениях. О «великой русской революции», о роли в ней интеллигенции и русского народа он говорил как приверженец «белой идеи». Этот неоспоримый факт опровергает утверждения некоторых буниноведов (в частности, Ю.В. Мальцева), будто бы на протяжении всей своей жизни писатель был чужд «всякой политике и политической борьбе»³³. Подобное суждение возникло еще в начальный период творчества Бунина, и тогда оно действительно было обоснованным. Но в дальнейшем отношение Бунина к «политике», к «земным тревоблениям социальной борьбы»³⁴ постепенно и, вероятно, не без влияния Горького, «знаньевцев», а затем и самой «живой жизни» изменилось.

Уже в конце 1900-х гг. Бунина никак нельзя было упрекнуть в аполитичности. В одном из своих интервью писатель заявил, что «тяготеет» к социал-демократии, хотя и сторонится «всякой партийности»³⁵.

В годы Первой мировой войны, принесшей Бунину «великое душевное разочарование»³⁶, в «распутинское» время писатель, по его же собственному признанию, был «против господ из Сан-Франциско»³⁷ и «вместе с другими... жаждал революции»³⁸. Об этом он говорил на своей лекции в Новороссийском университете. Однако когда революция совершилась, Бунин очень скоро увидел,

³² Фрид С. И.А. Бунин о новой литературе... Цит. по: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 379.

³³ Мальцев Ю.В. Бунин. С. 73. Об «аполитичности» Бунина до недавнего времени писал и О.Н. Михайлов. См., напр.: Михайлов О. Окаянные дни И.А. Бунина. С. 7. Впрочем, в последние годы О.Н. Михайлов начал утверждать, что «с первых дней горестной эмигрантской жизни» Бунин будто бы занял «крайне правые позиции» (Михайлов О.Н. Страстное слово // Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. С. 8). Это уже другая крайность, и с действительностью она также ничего общего не имеет. В данном случае в большей степени права О.Б. Василевская, считающая, что «взгляды Бунина во многом соответствовали правоцентристскому течению эмиграции» (Василевская О. Отверженная Россия. С. 27).

³⁴ Вальбе Б. «Великий дурман»: (Из лекции И.А. Бунина). С. 4.

³⁵ «Литература последних годов — не прогрессивное, а регрессивное явление во всех отношениях...». С. 508.

³⁶ Устами Буниных. Т. 1. С. 132.

³⁷ Вальбе Б. Из литературного прошлого: Заметки критика // Звезда. 1965. № 1. С. 188.

³⁸ Рибас А., де. Фельетон: О второй лекции Бунина. С. 4.

что русский народ — которому отныне предстояло стать «хозяином земли русской» — в силу своей неразвитости, невежественности, нравственной неустойчивости («шаткости») оказался не способным ни к сложной политической борьбе, ни к управлению громадным государством. Первые месяцы «республики», «народоправства», а затем и «рабоче-крестьянской власти» окончательно «излечили» писателя от его прежней, чисто умозрительной революционности. В ноябре, уже после «Великого дурмана», он писал по этому поводу: «Я был, — в силу того, что прежде верил в людей немного больше, чем теперь, — приверженцем республик, теперь же стал несколько сомневаться в них...

Я и теперь еще думаю иногда: “в идеале это, кажется, чудесная вещь — все эти прямые, равные, тайные, явные и вообще народовластие”, но, будучи не робкого десятка, говорю совершенно открыто, без всякой боязни: убежден, что Пила и Сысойка ни к черту не годятся ни для явных, ни для тайных и что из русского “народовластия” выйдет опять гнуснейшая и кровавейшая чепуха — видели и видим мы это “народовластие”, показало оно себя!»³⁹

После февраля и особенно октября 1917 г. Бунин уже не смог бы сказать о себе, как 10 лет назад: «Если русская революция волнует меня больше, чем персидская, я могу только пожалеть об этом»⁴⁰. Однако и в «красной» Москве, и затем первые месяцы в Одессе, то переходившей из рук в руки, то разделенной на «зоны влияния», Бунин сохранял политический нейтралитет, который не распространялся только на советскую власть: «дышать с большевиками одним воздухом»⁴¹ писатель не хотел и не мог.

В Одессе Бунин поначалу вел сравнительно уединенный (даже «мрачно-уединенный», по выражению Веры Николаевны) образ жизни, почти не давал интервью, занимался поиском средств к существованию и для этого печатал в одесских, киевских, крымских газетах и журналах свои старые и новые стихи и рассказы, участвовал в издании сборников, читал публично свои произведения в разных городах «самостийной» Украины. Свои убеждения, свой взгляд на происходящее в России он почти не афишировал или же делал это опосредованно, через поэзию и прозу. Так, в день торжеств по случаю официального вступления союзников в Одессу — 9 (22) декабря 1918 г. — он опубликовал в «Одесском листке» стихотворение⁴², в котором приветствовал новых «варягов»⁴³. При этом

³⁹ Бунин И. Заметки // Южное слово. 1919. 12 (25) нояб. № 71. С. 1.

⁴⁰ Цит. по: Михайлов О. Окаянные дни И.А. Бунина. С. 7.

⁴¹ Устами Буниных. Т. 1. С. 143.

⁴² См.: Бунин И. 22 декабря 1918 г. // Одесский листок. 1918. 9 (22) дек. № 279. С. 1. Двумя неделями раньше, отвечая на вопрос анкеты «Привет союзникам» одесского еженедельника «Огоньки», Бунин сказал: «Много чувств совмещается теперь в нашем сердце. И все-таки — ведь это они порвали в клочки тот постыднейший в мире ярлык, на котором от имени великой России расписался репортер Карахан!» (Огоньки. 1918. 24 нояб. (7 дек.). № 30. С. 10). Бунин в данном случае имел в виду Брестский мир.

⁴³ Через несколько дней в меньшевистской газете «Южный рабочий» появился стихотворный отклик на это приветствие, частично процитированный впоследствии в «Окаянных днях»: «Испуган ты и с похвалой сумбурной / Согнулся вдруг холопски пред варягом; / Ужели ужас шкурный / Является тебя достойным стягом?...» и т. д. (Никита. Писателю земли русской // Южный рабочий. 1918. 17 (30) дек. № 224. С. 2).

*Химико-физический корпус Новороссийского университета,
где И.А. Бунин читал лекцию «Великий дурман». Открытка. Одесса. 1910-е.
Фото из собрания Одесского литературного музея*

публицистики как средства общественно-политического самовыражения Бунин пока еще избегал.

Однако весной 1919 г., видимо, под влиянием всего пережитого за месяцы политической и военной неопределенности, австро-немецкой оккупации, петлюровских бесчинств, французской интервенции настроения писателя переменялись: он вдруг осознал себя наследником «строителей и держателей русской земли» и почувствовал острую тягу к общественной деятельности. 5 (18) марта 1919 г. Вера Николаевна записала в дневнике: «Сейчас я долго сидела с Яном. <...> Он все говорил, что была русская история, было русское государство, а теперь его нет. Костомаровы, Ключевские, Карамзины писали историю, а теперь нет и истории никакой. <...> “Мои предки Казань брали, русское государство создавали, а теперь на моих глазах его разрушают — и кто же? Свердловы? Во мне отпрыгнулась кровь моих предков, и я чувствую, что я не должен был быть писателем, а должен принимать участие в правительстве”.

Он сидел в своем желтом халате и шапочке, воротник сильно отставал, и я вдруг увидела, что он похож на боярина.

— Я все больше и больше думаю, чтобы поступить в армию добровольческую и вступить в правительство. Ведь читать газеты и сидеть на месте — это пытка, ты и представить себе не можешь, как я страдаю...»⁴⁴

⁴⁴ Устами Буниных. Т. 1. С. 179–180.

И.А. Бунин. Одесса. Лето 1918.

Фото из собрания Одесского литературного музея.
Надпись на фотографии: «Ив. Бунин. Лето 1918 г.,
после бегства из Москвы, под Одессой»

Захват Одессы красными 24 марта (6 апреля) 1919 г. прервал только начавшуюся общественную и журналистскую деятельность писателя, вернув его к

Однако столь радикально менять свою жизнь и напрямую заниматься политикой Бунин не стал: вместо этого он решил наконец попробовать свои силы в публицистике. Статья «Не могу говорить», помещенная 20 марта (2 апреля) 1919 г. в первом номере газеты «Наше слово», основанной в Одессе бывшими сотрудниками сытинского «Русского слова», стала его публицистическим дебютом⁴⁵. В этой статье, написанной как бы с оглядкой на знаменитый «страстный крик» Л.Н. Толстого «Не могу молчать!», но при этом, по сути, во всем ему противоположной (у Толстого революционеры — жертвы, у Бунина — палачи), ее автор «открыто заявил себя сторонником Добровольческой армии»⁴⁶. Таким образом Бунин дал понять, что для него время политического нейтралитета закончено.

⁴⁵ Именно «Не могу говорить», а вовсе не «Страшные контрасты» следует считать первой публицистической *статьей* Бунина. Из-за того, что А.К. Бабореко, первый републикатор «Страшных контрастов», нечетко определил жанровую принадлежность этого текста, исследователи считают его статьей, тогда как на самом деле это — ответ на вопрос анкеты «Художники о художнике», помещенной в «Одесских новостях» в связи со 100-летием И.С. Тургенева (см.: Одесские новости. 1918. 28 окт. (10 нояб.). № 10839. С. 5). Помимо Бунина в опросе участвовали также С.С. Юшкевич и П.А. Нилус.

⁴⁶ Устами Буниных. Т. 1. С. 184.

прежнему «мрачно-уединенному» образу жизни. Сотрудничать с большевиками, «перекрашиваться», как тогда говорили в Одессе, Бунин наотрез отказался. На уговоры С.С. Юшкевича идти служить в Агитпросвет Бунин отвечал: «Лучше стану с протянутой рукой на Соборной площади, чем пойду туда. Пусть этот факт останется в истории...»⁴⁷ Месяцы, прожитые писателем в Одессе «под серпом и молотом», окончательно превратили его в непримиримого врага советской власти и всяческих революций. В это время он делал записи, которые впоследствии легли в основу одесской части «Окаянных дней».

После изгнания большевиков из Одессы в августе 1919 г. Бунин возобновил литературную и общественную деятельность, стал сотрудником, а затем и неформальным редактором созданной добровольцами газеты «Южное слово». В это время его имя все чаще стало мелькать на страницах одесских газет. В «Южном слове», помимо стихов и прозы, довольно регулярно печатались его публицистические произведения: статьи, объединенные общим заглавием «Заметки», речи, а затем и отрывки из «Великого дурмана». При этом *буквально все* его художественные произведения, даже с виду вполне безобидные лирические стихи, в той или иной степени носили политический характер⁴⁸, а высказывания, как печатные, так и устные, с каждым днем становились все жестче, острее, язвительнее, их тон все больше тяготел к учительству, проповедничеству, что одними воспринималось с сочувствием, другими — с иронией или раздражением.

Между тем бунинская недвусмысленно обозначенная приверженность «белой идее» не имела никакой «партийной окраски»: она являла собой скорее некий нравственный принцип. В ноябре 1919 г. Бунин писал, отвечая на нападки социалистической печати Одессы: «Я не правый и не левый, я был, есмь и буду непреклонным врагом всего глупого, отрешенного от жизни, злого, лживого, бесчестного, вредного, откуда бы оно ни исходило»⁴⁹.

Первое время в отношении Бунина к добровольчеству сказывалось несколько идеалистическое представление писателя о «белом воинстве», которое в его глазах, так же как и для многих его современников, не принявших большевизма, было воплощением доблести, самоотверженности, жертвенности, чести,

⁴⁷ Устами Буниных. Т. 1. С. 212. Ср.: «Подумать только: надо еще *объяснять* то тому, то другому, почему именно не пойду я служить в какой-нибудь Пролеткульт! Надо еще *доказывать*, что нельзя сидеть рядом с чрезвычайкой, где чуть не каждый час кому-нибудь проламывают голову, и просвещать насчет “последних достижений в инструментовке стиха” какую-нибудь хряпу с мокрыми от пота руками! Да порази ее проказа до семьдесят седьмого колена, если она даже и “антересуется” стихами!» (Бунин И.А. Окаянные дни. С. 88. Курсив Бунина).

⁴⁸ Политический и даже злободневный смысл эти произведения приобретали в контексте эпохи. Очень показательны в данном случае авторское послесловие к авторской же републикации «Петлистых ушей» в «Южном слове» в ноябре 1919 г. В своем послесловии Бунин писал: «Рассказ этот написан в конце 1916 г. Я перепечатаваю его здесь и потому, что он, насколько я знаю, известен на юге России только критикам, и в силу того, что страшная фигура его героя, встающая на фоне страшного ночного Петербурга, так ужасно оправдывала мое смутное предчувствие всего того, что встало затем надо всей Россией» (Южное слово. 1919. 5 (18) нояб. № 64. С. 3). По-настоящему *политических* стихов (вроде «Москвы» или «Скоморохов» в версии 1919 г.) и тем более прозы (как рассказы «Конец», «Товарищ дозорный», «Красный генерал») у Бунина в то время было еще мало.

⁴⁹ Бунин И. Заметки // Южное слово. 1919. 12 (25) нояб. № 71. С. 1.

благородства⁵⁰. Очень показательны в этом смысле строки из дневника Веры Николаевны — запись, сделанная еще 6 (19) декабря 1918 г., вскоре после того, как петлюровцы были выбиты из Одессы совместными усилиями французских и белых частей: «Добровольцы очень статные, с хорошей выправкой люди, — я отвыкла видеть подобных людей. <...>

Потери у добровольцев очень большие. <...>

Ян был очень взволнован. Он сказал, что за два года это первый день, когда чувствуешь хоть луч надежды. Его очень трогает самоотверженность добровольцев»⁵¹.

Сближала Бунина с Добровольческой армией и общность, как тогда говорили, политической «ориентации». В Белом движении было множество политических течений — от ультраправого до социалистического. Однако основным — или, по крайней мере, единственно находившим поддержку в командовании Вооруженных сил Юга России — было направление государственническое, далекое от всякой «партийности». Генерал А.И. Деникин в своих «Очерках русской смуты» не раз подчеркивал, что «Добровольческая армия, свершая свой крестный путь», в первую очередь стремилась «опираться на все государственно мыслящие круги населения»⁵². Бунин относился именно к этим кругам. Не принадлежа ни к одной партии, он, тем не менее, по справедливому замечанию О.Н. Михайлова, был «человеком глубоко государственным». Так же как и добровольцы, он «желал видеть Россию сильной, великой, независимой»⁵³. Эта позиция с исключительной четкостью и ясностью была выражена и в «Великом дурмане».

И все же, несмотря на полное совпадение политических интересов, несмотря на сотрудничество в добровольческой («белогвардейской») газете «Южное слово», Бунин добровольцем в полном смысле слова (а значит, и «белогвардейцем», как аттестовала его советская критика и пропаганда) так и не стал. В его отношении к добровольчеству сохранялся некий элемент отстраненности. Это видно по дневникам четы Буниных. Так, 18 (31) января 1920 г., за неделю до бегства из Одессы, Вера Николаевна записала: «Почему мы поверили в добровольцев? Мне кажется, что мы очень прониклись за лето презрением к большевикам, к их неумению, беспомощности во всех областях. Правда, Ян говорил, что если добровольцы сорвутся, то они полетят вниз, как снежный ком...»⁵⁴

⁵⁰ Впрочем, такое отношение к добровольцам было во многом справедливым. Нельзя забывать о тех трудностях, с которыми Добровольческой армии приходилось сталкиваться с самого начала своего существования. Не имея опоры в мирном населении (за исключением рядового казачества), практически не получая помощи от крупного капитала, почти целиком находясь в зависимости от военных поставок со стороны вероломных союзников, раздираемое разного рода противоречиями, в том числе политического порядка, Добровольчество противостояло врагу, в десятки раз превышавшему его численно, прекрасно вооруженному, сплоченному идеей «ненависти к буржуазии» и т. п. Обо всем этом весьма подробно и убедительно рассказано в «Очерках русской смуты» А.И. Деникина.

⁵¹ Устами Буниных. Т. 1. С. 167–168.

⁵² Деникин А.И. Очерки русской смуты // Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 2007. С. 402.

⁵³ Михайлов О. Окаянные дни И.А. Бунина. С. 7.

⁵⁴ Устами Буниных. Т. 1. С. 275.

* * *

Из-за отсутствия автографа «Великого дурмана» нельзя сказать точно, когда именно Бунин приступил к работе над лекцией. В дневнике Веры Николаевны (запись от 29 августа (11 сентября) 1919 г.) сказано: «Не знаю, будет ли Ян читать лекцию, но то, что он написал насчет милосердия, меня очень радует. <...> Зная, что он перенес за время большевиков, я боялась, что он не станет писать. А теперь я покойна»⁵⁵. Эти строки позволяют предположить, что «Великий дурман» был начат Буниным почти сразу после вступления в Одессу Добровольческой армии.

Мы не знаем (и, скорее всего, уже никогда не узнаем), каковы были *композиция* и *объем*⁵⁶ бунинской лекции. Опубликованные в «Южном слове» и «Родном слове» отрывки позволяют судить только о ее *содержании*. Главная идея лекции заключалась в том, что любая революция, какими бы прекрасными ни были ее цели, — это всегда зло, разрушение, насилие над человеческой личностью и большевизм с его бешеной нетерпимостью к политическим противникам и «чрезвычайками» — логическое продолжение «великой русской революции».

Кроме того, в «Великом дурмане» речь шла о той (по мнению Бунина, безусловно отрицательной) роли, которую в революции сыграли русская интеллигенция и русский народ. По дневникам писателя за 1916–1918 гг. видно, как нарастало его раздражение против интеллигенции, которая, с точки зрения автора «Деревни», при всем своем народолюбии не знала собственного народа, идеализировала его, преувеличивая его нравственные качества, патриотизм и т. п., причем русская литература второй половины XIX — начала XX в. усиленно ей в этом помогала.

Параллельно с этим усиливалось и бунинское негодование на сам народ за его «атавистическую» тягу к «саморазорению», за его общественно-политическую индифферентность и т. п. Бунин утверждал, что так называемый революционный народ — это темная, невежественная, бессознательная масса, живущая той полудикой, первобытной, чуть ли не звериной жизнью, какой русский мужик жил еще во времена Ивана Грозного, поэтому доверять народу управление государством по меньшей мере безответственно.

Своеобразным итогом многолетних «социологических» наблюдений Бунина за развитием общественно-политической ситуации в стране стали его слова, записанные Верой Николаевной 9 (22) ноября 1918 г., уже в Одессе. Эти слова можно считать своего рода *идейной квинтэссенцией* «Великого дурмана»: «Высшие

⁵⁵ Устами Буниных. Т. 1. С. 256.

⁵⁶ Впрочем, с помощью нехитрых расчетов Г.Д. Зленко удалось приблизительно установить «величину» «Великого дурмана». В преамбуле к своей републикации произведений писателя из периодических изданий Одессы 1918–1920 гг. Зленко пишет: «Если точны утверждения присутствовавших на лекции, что она длилась три часа, если учесть, что объем обнародованных в “Южном слове” и “Родном слове” отрывков немногим превышает авторский лист, а для трехчасового выступления необходим текст в два раза больший, можно с уверенностью говорить: мы располагаем примерно половиной одного из главных произведений Бунина, вызванных поединком двух социальных систем и двух мировоззрений» (Из творчества И.А. Бунина эпохи Гражданской войны. С. 24).

*Большая химическая аудитория в химико-физическом корпусе
Новороссийского университета, где И.А. Бунин читал лекцию «Великий дурман».
Открытка. Одесса. 1910-е.
Фото из собрания Одесского литературного музея*

классы, — сказал Ян, — это действенные классы, а народ — аморфная масса. Так называемая интеллигенция и писатели — это кобель на привязи, кто ни пройдет, так и брешет, из ошейника вылезает»⁵⁷.

С точки зрения исторической науки бунинские представления о причинах революции были довольно элементарны. Они сводились к следующему тезису: «История повторяется, но нигде, кажется, не повторяется она так, как у нас»⁵⁸. Для Бунина события двух революций 1917 г., а также Гражданской войны были всего лишь *повторением* «уже не раз бывалого, только в небывалых еще размерах»⁵⁹. Аналоги этих событий Бунин усматривал как в далеком, так и в сравнительно недавнем прошлом России. Для писателя «великая русская революция» и спровоцированная ею братоубийственная война были явлениями одного порядка со средневековыми русскими междоусобицами, бесчинствами Богдана Хмельницкого, бунтами Степана Разина и Емельяна Пугачева. Причем большевистские вожди, по мнению писателя, были не только ничем не лучше, но гораздо хуже этих «великих» смутьянов.

⁵⁷ Устами Буниных. Т. 1. С. 162.

⁵⁸ Бунин И. Из «Великого дурмана» // Южное слово. 1919. 24 нояб. (7 дек.). № 82. С. 2.

⁵⁹ Там же.

В одном из фрагментов «Великого дурмана» говорится: «А случился, опять случился именно тот пушкинский бунт, “жестокий и бессмысленный”, о котором только теперь вспомнили, повторилось уже бывалое, хотя многие и до сих пор еще не понимают этого, сбитые с толку новым и вульгарно-нелепым словом “большевизм”, мыслят совершившееся как что-то еще невиданное, в прошлом имеющее только подобие, чувствуют его как нечто такое, что связано с изменяющейся будто бы мировой психикой, с движениями того самого европейского пролетариата, который несет будто бы в мир новую прекрасную религию величайшей гуманности и в то же самое время требует “невмешательства” в непрерывное и гнуснейшее злодеяние, которое творится среди бела дня, в двадцатом веке, в христианской Европе»⁶⁰.

Как лектор Бунин продемонстрировал незаурядную эрудированность. Он широко и обильно (но при этом большей частью неточно, что вообще отличало его публицистические работы) цитировал «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», былины о Василии Буслаеве, «Русскую историю в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» Н.И. Костомарова, дневники Л.Н. Толстого, очерки Г.И. Успенского «Волей-неволей» и «Власть земли: Из записной книжки», советские периодические издания, а также, если верить некоторым газетным отчетам о «Великом дурмане»⁶¹, труды Юрия Крижанича⁶² и Адама Олеария⁶³. Однако в опубликованных фрагментах бунинской лекции упоминания об этих «ученых мужах» и ссылки на их сочинения отсутствуют. Мы можем лишь предполагать, что такими сочинениями были «Разговоры о владетельстве» Крижанича и «Путешествие в Московию и обратно» Олеария: в обоих произведениях есть главы, посвященные русскому народу, и то, что в них о нем говорится, во многом созвучно бунинским характеристикам русского национального менталитета.

Так, мнение Олеария о «природе русских, их душевных качествах и нравах» было в целом отрицательным. Признавая смысленность и порой исключительную храбрость русских, немецкий ученый в то же время считал их грубыми, не-

⁶⁰ Бунин И. Из «Великого дурмана» // Южное слово. 1919. 24 нояб. (7 дек.). № 82. С. 2.

⁶¹ См., напр.: Иванов А. Великий дурман // Южное слово. 1919. 10 (23) сент. № 15 С. 3; Юшкевич П. Революция перед судом художника: (Из лекции Бунина). С. 3; Вальбе Б. «Великий дурман»: (Из лекции И.А. Бунина). С. 4.

⁶² Крижанич Юрий (ок. 1618–1683) — хорватский ученый-энциклопедист, писатель, философ, богослов, историк, лингвист-полиглот, этнограф, публицист, священник-миссионер. Выступал за унию Католической и Православной церковей и за единение славянских народов. Считается основоположником «панславизма» и сравнительного славянского языкознания. Главную роль в осуществлении идеи «славянского единства» Крижанич отводил России, где находился в 1659–1676 гг. при дворе Алексея Михайловича. В 1661 г. по ложному доносу он был отправлен в ссылку в Тобольск и, находясь там в течение 16 лет, написал ряд трактатов, в том числе «Разговоры о владетельстве» (или «Политику»). В России творчество Ю. Крижанича было хорошо известно. Его сочинения (как в оригинале, так и в переводе на русский язык) издавались с первой четверти XIX в. Пик научного интереса к Крижаничу пришелся на рубеж XIX–XX вв.: в этот период вышло множество посвященных ему статей и монографий.

⁶³ Олеарий (Olearius — латинизированный вариант немецкой фамилии Ölschläger) Адам (1603–1671) — немецкий ученый и путешественник. Посетил Россию в 1633–1634 гг. в составе шлезвиг-голлштинского посольства и в 1635–1639 гг. проездом, по дороге в Персию. В 1647 г. выпустил первое издание своего «Путешествия в Московию и обратно».

вежественными, неряшливыми, хитрыми, расчетливыми, корыстолюбивыми, развращенными, тщеславными, косными, безразличными к собственному прошлому, вздорными, подверженными всевозможным порокам и пьянству, обладающими рабской психологией⁶⁴. Подобные суждения в свое время вызвали протест у Крижанича: в «Разговорах о владетельстве» он назвал их «руганью и оговорами»⁶⁵. Однако в собственных размышлениях на ту же тему Крижанич часто вторил Олеарию.

Трудно с уверенностью сказать, читал ли Бунин книги Крижанича и Олеария. С содержанием «Разговоров о владетельстве» писатель, скорее всего, был знаком по костомаровской «Русской истории», в которой Крижаничу посвящена целая глава (XI). Дело в том, что первое (и при жизни Бунина единственное) издание этой книги было осуществлено — в составе шеститомного «Русского государства в половине XVII века» (М., 1859–1860) — без перевода на русский язык⁶⁶. Напротив, «Путешествие...» Олеария до 1919 г. вышло в трех разных русских переводах⁶⁷, Бунин мог ознакомиться с любым из них.

Так или иначе, не исключено, что цитаты именно из этих авторов в сочетании с собственно бунинскими свидетельствами «легендарных зверств и низости мужиков» стали впоследствии одной из причин того, что писателя обвинили в ненависти к русскому народу и вообще в русофобии. Отвечая на подобные обвинения, он писал в своих «Заметках»: «Я не русофоб, невзирая на то что имел смелость сказать о своем народе немало горьких слов, основательность коих так ужасно оправдала действительность... оправдал даже Л.Н. Толстой, которым меня еще и до сих пор укоряют и который, однако, сам, собственными устами сказал в 1909 г. буквально следующее (Булгакову):

*“Если я выделял русских мужиков как обладателей каких-то особенно привлекательных сторон, то каюсь, — каюсь и готов отречься от этого”*⁶⁸.

* * *

Всякий, кому доводилось иметь дело с дневниками, письмами, публицистическими статьями, мемуарными очерками Бунина, знает, насколько силен в них чисто художественный элемент. Причем едва ли не наибольшая его «концентрация» и «интенсивность» наблюдаются именно в публицистике писателя. Однако проблема соотношения художественного и нехудожественного в бунинском пу-

⁶⁴ См., напр.: *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Введ., пер., примеч. и указ. А.М. Ловягина. СПб., 1906. С. 178–202.

⁶⁵ *Крижанич Ю.* Политика / Подгот. к печ. В.В. Зеленин; пер. А.Л. Гольдберга. М., 1997. С. 181.

⁶⁶ «Разговоры о владетельстве» и ряд других трактатов были написаны на искусственном «словенском» языке, который Крижанич специально изобрел в целях развития своей теории «всеславянского единства».

⁶⁷ См.: *Олеарий А.* О состоянии России в царствование Михаила Федоровича и Алексея Михайловича (Третья книга «Путешествия» Олеария) / Пер. с нем. изд. 1656 г. А. Михайлова. Б.м., б.г. [СПб., 1861]; *Он же.* Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием / Пер. с нем., предисл. П. Барсова. М., 1870; *Он же.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Введ., пер., примеч. и указ. А.М. Ловягина. СПб., 1906.

⁶⁸ *Бунин И.* Заметки // Южное слово. 1919. 12 (25) нояб. № 71. С. 1. Курсив Бунина.

блицистическом наследии остается плохо изученной. Первые (и пока единственные) попытки подступиться к ней были предприняты в 1990–2000-х гг. преимущественно зарубежными буниноведами, но свое внимание они сосредоточили исключительно на «Окаянных днях»⁶⁹. Остальные публицистические произведения Бунина, включая лекцию «Великий дурман», по-прежнему остаются в этом смысле *terra incognita*.

Между тем наличие в бунинской лекции художественного начала несомненно. Двойственный, художественно-публицистический, характер «Великого дурмана» был подмечен еще в 1919 г. одесским критиком и публицистом Б.С. Вальбе. В своем отчете о лекции, исходя из тезиса о «глубоко социальном характере» зрелого бунинского творчества, он писал: «Как же преломилась русская революция во “внутреннем мире” нашего художника?»

В своей лекции “Великий дурман” Бунин дал художественно-публицистический ответ на этот вопрос.

“Художественно-публицистический”, ибо это была лекция, иллюстрированная художественными образами и поэтическим лиризмом.

Проникнутая местами большим пафосом проповедника, человека определенного лагеря, она вместе с тем была именно лекцией поэта, мечтателя»⁷⁰.

Однако частичная художественность «Великого дурмана» была обусловлена не только тем, что в нем присутствовали «художественные образы и поэтический лиризм». Сами по себе принципы работы с «исходным» материалом, с литературным «сырьем», каковым явились дневниковые записи Бунина, сделанные в 1917 г. в Глотове, говорят о том, что это действительно была «лекция поэта».

Как можно понять по отзывам в одесской прессе и по первому из опубликованных фрагментов «Из “Великого дурмана”», бунинская лекция изобиловала эпизодами, которые условно можно назвать «живыми картинами» (впоследствии они перекочевали в «Окаянные дни»). Эти «живые картины», словно списанные с натуры, неопровержимо свидетельствовали о неразвитости народного самосознания. Они наглядно, в лицах, передавали впечатления Бунина от встреч в 1917 г. с представителями «революционного демоса» и просто с деревенскими жителями, сбитыми с толку необходимостью участвовать в управлении государством. Исключительная выразительность бунинского повествования, почти стереоскопическая осязаемость образов, правдоподобие простонародной речи создавали у слушателей впечатление документальности соответствующих эпизодов. Но были ли они документальными на самом деле или же все-таки явились результатом художественной переработки «фрагментов из личных дневников Бунина»⁷¹? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сопоставить соответствующие места в «Великом дурмане» с дневниковыми записями писателя за 1917 г.

⁶⁹ См., напр.: Ошар К. «Окаянные дни» как начало нового периода в творчестве Бунина // Русская литература. 1996. № 4. С. 101–105; Эберт К. Образ автора в художественном дневнике Бунина «Окаянные дни» // Там же. С. 106–110; Риникер Д. «Окаянные дни» как часть творческого наследия И.А. Бунина. С. 625–650.

⁷⁰ Вальбе Б. «Великий дурман»: (Из лекции И.А. Бунина). С. 4.

⁷¹ Риникер Д. «Окаянные дни» как часть творческого наследия И.А. Бунина. С. 642.

Взять, к примеру, следующий эпизод из первого опубликованного фрагмента бунинской лекции: «Мрачный вечер, — сентябрь того же [1917] года, — темные, с желтоватыми щелями тучи на западе. Остатки листьев на деревьях у церковной ограды как-то странно и зловеще рдеют, хотя под ногами уже сумрак. Вхожу в церковную караулку. В ней совсем почти темно. Караульщик, он же и сапожник, небольшой, курносый, с окладистой рыжей бородой, человек медоточивый, сидит на лавке, в рубахе навыпуск и в жилетке, из карманчика которой торчит пузырек с нюхательным табаком. Увидав меня, встает и низко кланяется, встряхивает волосами, которые упали на лоб, потом протягивает мне руку.

— Как поживаешь, Алексей?

Вздыхает:

— Скушно.

— Что такое?

— Да так. Нехорошо. Ах, милый барин, нехорошо. Скушно.

— Да почему же?

— Да так. Был я вчера в городе. Прежде, бывало, едешь, на свободе, а теперь хлеб с собой берешь, в городе голод пошел. Голод, голод! Товару не дали. Товару нету. Ни почему нету. Приказчик говорит, — “хлеба дадите, тогда и товару дадим”. А я ему так: “нет, уж вы ешьте кожу, а мы свой хлеб будем есть”. Только сказать — до чего дошло! Подметка 14 рублей. Нет, покуда буржуазию не перережут, будет весь люд голодный, холодный. Ах, милый барин, по истинной совести вам скажу, — будут буржуазию резать, ах будут!

Когда я выхожу из караулки, караульщик тоже выходит и зажигает фонарь возле церковных ворот. Из-под горы идет мужик, порывисто падая вперед, — очень пьяный, — и на всю деревню кричит, ругает самыми отборными ругательствами диакона. Увидав меня, с размаху откидывается назад и останавливается:

— А вы его не можете ругать! Вам за это, за духовное лицо, язык на пяло надо вытянуть!

— Но позволь: я, во-первых, молчу, а, во-вторых, почему тебе можно, а мне нельзя?

— А кто ж вас хоронить будет, когда вы помрете? Не диакон разве?

— А тебя?

Уронив голову и подумав, мрачно:

— Он мне, собака, керосину в лавке кооперативной не дал. Ты, говорит, свою долю уж взял. А если я еще хочу? “Нет, говорит, такого закону”. Хорош ай нет? Его за это арестовать, собаку, надо. Теперь никакого закона нет... погоди, погоди, — обращается он к караульщику, — и тебе попадет! Я тебе припомню эти подметки! Как петуха зарежу, — дай срок!»⁷²

Первое, что в данном эпизоде бросается в глаза, — это его четкая структура, продуманность и соподчиненность всех его частей. Характерное для него общее тоскливо-тревожное настроение создано с помощью соответствующих пейзажных зарисовок («темные, с желтоватыми щелями тучи на западе. Остатки ли-

⁷² Бунин И. Из «Великого дурмана» // Южное слово. 1919. 17 (30) нояб. № 76. С. 2.

стве на деревьях у церковной ограды как-то странно и зловеще рдеют») и реплик персонажей — караульщика и пьяного мужика, ругавшего диакона. Текст выстроен, организован таким образом, чтобы у слушателя (или читателя) в конце концов возникло впечатление, что о предстоящем и неизбежном бедствии, постигшем Россию в лице большевизма, заранее знали не только писатель, но и потенциальные участники будущих событий. При этом в диалогах действующих лиц постоянно подчеркивается противостояние классов — «буржуазии» и «народа».

Ничего подобного нет в дневниковой записи Бунина, являющейся литературно-фактологической основой рассмотренного эпизода (в отличие от него, эта запись датирована *октябрем* 1917 г.): «С утра серо, ветер с северо-запада, холодный, сейчас три, мы с Верой гуляли, облака, светит солнце.

На низу сада, возле плетня, слышу матерную брань. Вижу — Савкин сын (кривой), какой-то пьяный мужик лет двадцати пяти, долговязый малый лет двадцати, не совсем деревенского вида.

— Когой-то ругает?

Пьяный:

— Да дьякона вашего.

— Какой же он мой.

— Как же так не ваш? А кто ж вас хоронить будет, когда помрете? Вот П. Ник. помер — кто его хоронил? Дьякон.

— Ну, а вот ты-то дьякона ругаешь, тебя-то кто ж будет хоронить?

— Он мне керосину (в потребилровке) не дает... и т. д.

Говорил, что мы рады, что немцы идут, они мужиков в крепостное право обратят нам»⁷³.

В этой записи не отображено никаких зловещих предчувствий: в строках о немцах, идущих будто бы восстанавливать в России крепостное право, звучит, скорее, горькая ирония. Разговор о диаконе носит чисто бытовой характер, без явной социальной и уж тем более «классовой» подоплеку и при этом подан сжато, конспективно. Кроме того, вся сцена происходит утром, а не вечером, как в первом фрагменте «Из “Великого дурмана”»; наряду с писателем в ней участвуют: вместо караульщика — Вера Николаевна, а вместо пьяного крестьянина, идущего «из-под горы», — сразу три не вполне трезвых мужика, причем один из них «не совсем деревенского вида».

Таким образом, можно говорить лишь о частичной документальности «живых картин» из «Великого дурмана». Очевидно, что при их создании Бунин действительно подвергал свои личные дневники существенной художественной переработке. В большинстве случаев дневниковые записи служили лишь отправной точкой для формирования целого сюжета, который в своем окончательном виде мог значительно отличаться от исходного факта, зафиксированного в дневнике писателя. Такой факт — какое-нибудь событие, разговор и даже отдельная реплика — как правило, обрастал разными подробностями, помещался в специально

⁷³ Бунин И.А. Собр. соч. Т. 8. С. 51.

разработанный Буниным контекст. Некоторые эпизоды в «Великом дурмане» представляют собой своего рода литературный монтаж из разных реплик, произнесенных разными лицами в разное время и, соответственно, при разных обстоятельствах. В качестве примера можно привести якобы происходивший летом 1917 г. разговор на деревенской улице о «бабушке русской революции» Е.К. Брешко-Брешковской. Сам этот разговор, воспроизведенный Буниным в начале первого фрагмента «Из «Великого дурмана»», является чем-то вроде оправы, в которую помещены высказывания, в той или иной мере соответствующие отдельным записям в бунинском дневнике. Так, хозяин избы, возле которой толкуют о Брешко-Брешковской, говорит: «Я про эту бабку давно слышу. Прозорливица, это правильно. <...> Теперь народ под свою власть скупает, землю сулит, на войну обещает не брать... А мне какая корысть под нее идти? Земля эта мне без надобности, я ее лучше в аренду сниму, потому что навозить мне ее все равно нечем, а в солдаты-то меня и так не возьмут, года вышли...»⁷⁴

Ср. с записью от 8 августа 1917 г.: «Шестого ездил в Каменку к Петру Семеновичу. Когда сидели у него, дождь. Он — полное равнодушие к тому, что в России. “Мне земля не нужна”. “Реквизиция хлеба? Да тогда я и работать не буду, ну его к дьяволу!”»⁷⁵

Разумеется, полного соответствия между высказываниями нет, но по смыслу они очень близки, и «генезис» реплики хозяина избы из «Великого дурмана», на наш взгляд, очевиден.

В том же разговоре, помимо «хозяина избы» и «кого-то, белеющего в сумраке рубашкой», участвует и некий «третий», такой же безымянный собеседник, который «прибавляет совершенно, как говорится, ни к селу, ни к городу:

— Да его, Петроград-то, и так давно бы надо отдать. Там одна разнообразие...

И я прохожу мимо и думаю: “Там одно разнообразие! Бог мой, что за чепуха такая?”»⁷⁶

Ср. с бунинской записью, сделанной 9 сентября 1917 г. и документально, без всяких комментариев воспроизводящей фразу некоего Сергея Климова из Жадовки: «Да Петроград-то мать с ним. Его бы лучше отдать поскорей. Там только одно разнообразие»⁷⁷.

В «Великом дурмане» эта фраза повторена почти дословно. Скорее всего, Бунин включил ее в разговор о Брешко-Брешковской, земле и комиссарах для того, чтобы обогатить сюжет и сделать еще более очевидной алогичность крестьянского мышления. Авторский комментарий к реплике безымянного «третьего» усиливает впечатление от ее как безотносительной (или сущностной), так и контекстной абсурдности.

На этом приеме — соединения в одной, часто небольшой по объему текстовой единице изначально документальных элементов, их художественной организации и придания им публицистического (политического) звучания, — по-видимому,

⁷⁴ Бунин И. Из «Великого дурмана» // Южное слово. 1919. 17 (30) нояб. № 76. С. 2.

⁷⁵ Он же. Собр. соч. Т. 8. С. 31.

⁷⁶ Он же. Из «Великого дурмана» // Южное слово. 1919. 17 (30) нояб. № 76. С. 2.

⁷⁷ Он же. Собр. соч. Т. 8. С. 40.

был построен весь текст «Великого дурмана». А это лишний раз доказывает идейное и генетическое родство бунинской лекции с «Окаянными днями», которые также являются произведением особого рода, обладающим ярко выраженными документальными, публицистическими и художественными чертами.

* * *

«Великий дурман» вызвал оживленные и при этом весьма разноречивые отклики одесской прессы. Но прежде чем говорить о них, приведем некоторые статистические данные. Как утверждают советские библиографы, в период, когда у власти в Одессе была Добровольческая армия, т. е. с 10 (23) августа 1919 г. по 26 января (8 февраля) 1920 г., в городе издавалось 52 газеты и 28 журналов на русском, украинском, английском, французском, немецком, польском языках, а также на идиш и иврите⁷⁸. В политическом отношении все эти издания тоже были весьма разнообразны: от монархических, праворадикальных, националистических, «черных», как газета «Южная Русь», до социалистических, эсеровских, право- и левоменьшевистских, «розовых», как «Рабочее слово». Разумеется, о легальной большевистской печати в белой Одессе речи быть не могло.

Понятно, что при столь широком диапазоне политических взглядов одесские издания просто не могли одинаково относиться к бунинской лекции. Однако оценки идеологически близких друг другу изданий, как правило, оказывались схожими или, по крайней мере, созвучными.

Естественно, наиболее дружелюбный отзыв (по существу, отчет) о «Великом дурмане» поместило на своих страницах «Южное слово». Автор этого материала, некто А. Иванов, в нескольких абзацах пересказал содержание бунинской лекции и напоследок отметил: «К сожалению, в краткой газетной заметке мы лишены возможности воспроизвести многочисленные картины нашего революционного быта, выхваченные из самой жизни и зарисованные И.А. Буниным с чрезвычайной, быть может ему одному свойственной, яркостью и колоритностью. <...>

Вскрывая, как беспощадный хирург, отрицательные свойства российского демоса и интеллигенции, лектор почти не касался отличительных свойств, коими наделены другие классы, и лишь сказал: «Я не меньше других искал и ищу царство Божие на земле, не меньше их знаю жестокий и страшный мир ‘господ из Сан-Франциско’, но я знаю и то, что все на этой злой и жалкой земле познается, увы, по сравнению, знаю, что невозможное есть невозможное, что бывает такое время, когда хоть на время надо умолкать о нем, об этом невозможном, и что мужик, бывший при мне в московском зоологическом саду сапогом лебеда, еще плохой социалист. Древняя дикарская легенда говорит, что блеск звезды, в которую переходит наша душа, состоит из блеска глаз съеденных нами людей. И я знаю, что, увы, ‘не прошла’ еще древняя земля, а тем паче — ‘древняя Русь’!»⁷⁹

Не менее благожелательно высказалась о «Великом дурмане» «национально-прогрессивная» газета «Единая Русь», которую левые издания Одессы без конца

⁷⁸ См.: Одеська періодична преса років революції та громадянської війни. 1917–1921 / За ред. проф. С.Л. Рубинштейна. Одеса, 1929. С. XXVIII–XXX.

⁷⁹ Иванов А. Великий дурман // Южное слово. 1919. 10 (23) сент. № 15. С. 3.

упрекали в национализме и антисемитизме. Избегая каких бы то ни было комментариев, газета тем не менее дала своим читателям понять, что безоговорочно разделяет мнение Бунина о характере «великой русской революции» и о роли в ней российской интеллигенции и народа. В частности, «Единая Русь» писала: «И. Бунин, автор знаменитых деревенских картин, в которых предвидел физиономию будущих строителей революции, имел возможность на своей лекции вдоволь отомстить за те нападки, которые делались в свое время критикой при выпуске им своих бытописаний о деревне.

В целом ряде мучительных иллюстраций Бунин нарисовал мрачную картину жестокого русского бунта, бессмысленного издевательства над человеческим достоинством, над человеческой личностью. Великий Дурман, великий балаган — русская революция, и строитель этой революции — русский народ»⁸⁰.

Два во многом противоположных отзыва о «Великом дурмане» напечатал «Одесский листок» — газета, начавшая выходить еще во второй половине XIX в., а в годы революции и Гражданской войны ставшая «достоянием» партии кадетов. Один материал принадлежал перу Б.С. Вальбе, другой — А.М. де Рибаса.

Вальбе отдал должное художественной силе и публицистической остроте «Великого дурмана» и назвал его «суровым до жестокости обвинительным актом против русского народа, против русской интеллигенции, горьким смехом над ее мечтаниями и идеалами»⁸¹. Однако в целом лекция Бунина не вызвала у критика сочувствия. В своей рецензии Вальбе не скрывал своего иронического отношения к «Великому дурману» и при этом намеренно упрощал и огрублял суждения писателя, отрицая их общественно-политическую значимость: «Бунин находит, что Русь Стеньки Разина, Емельки Пугачева, Хмельницкого и Гонта»⁸² еще жива в Руси Ленина и Троцкого. Тот же разгул и те же зверства. И, полемизируя с Троцким, Бунин говорит, что “цари и попы” знали лучше свой народ, они знали, что свобода страшнее для него пуще всего. Народу нужна опека. Но этого не знала интеллигенция, не только большевики, но и меньшевики и кадеты. <...>

Все уверовали в народ, и оттого вышел “великий дурман”, нелепица, и разбиты все наши идеалы и чаяния. И дальше в таком же духе. И это оттого, что давно уже умерла русская литература — что литература последних <лет>, невежественная, безграмотная, не зная народа, она сочиняла разные басни о нем. И Бунин обрушивается на Блока, Горького, Серафимовича и др. за их веру в слова и духовную слепоту. И молитвенной верой в то, что “великий дурман” пройдет, что все поймут свои ошибки, и, припоминая “розовые мечты” первых дней, Бунин говорит: — я не меньше этих дервишей ищу царствия Божия на земле, мне не менее тяжело в мире... “Господин из Сан-Франциско”, но...

⁸⁰ Г. В. «Великий дурман»: (Лекция И. Бунина) // Единая Русь. 1919. 10 (23) сент. № 24. С. 4.

⁸¹ Вальбе Б. «Великий дурман»: (Из лекции И.А. Бунина). С. 4.

⁸² Гонтой (правильно — Гонта) Иван (?–1768) — один из главных деятелей так называемой Колыванщины, гайдамацкого восстания 1768 г. в Правобережной Малороссии. С именем Гонты связаны предания о жестоких расправах гайдамаков над польскими шляхтичами и евреями. Художественный образ Гонты создан Т.Г. Шевченко в поэме «Гайдамаки».

Бунин, конечно, не политик, не социолог, а только поэт и художник. Его образы проникнуты большой правдой, но их социологическое значение раскроет нам кто-то иной, во всяком случае, не Бунин»⁸³.

Бунинским проклятиям в адрес «великой русской революции» Вальбе противопоставил «глубоко волнующие слова из “Дневника” А.И. Шингарева», которыми «мученик-депутат», несмотря на свои страдания в тюремном заключении, «благословляет революцию и проклинает старый порядок»⁸⁴. Итог своим рассуждениям одесский критик подвел следующим образом: «Двумя правдами — правдой Шингарева и не меньшей правдой Бунина — встает пред нами наша трагическая современность. И только великий синтез будущего, очищенный от трагедии и мученичества настоящего, даст одну правду, правду вечного развития, радости жизни и ее достижений»⁸⁵.

В отличие от Вальбе, де Рибас в своем «Фельетоне» о бунинской лекции целиком принял сторону писателя. Размышляя о причинах того «сильного, жуткого и одурманивающего впечатления», которое на слушателей произвела бунинская лекция, де Рибас писал: «С необыкновенною силою экспрессии, с поразительной яркостью образов, черта за чертою, тип за типом, лектор иллюстрировал перед захваченной аудиторией современное состояние русского, подлинного народа, изпод внешней оболочки которого на каждом шагу пробиваются, как сорная трава на ниве, дикие следы прежней, древней Руси. Та же темнота, та же звериность, та же безобразная удаль, та же бесчеловечная жестокость.

Факты за фактами, один ужаснее другого. И что производило наиболее тягостное впечатление в сообщении Бунина, это то, что все эти факты, так мастерски им подобранные, были нам всем хорошо известны. Мы все их пережили. Многие из нас испытали их на себе или на наших близких. Все это правда, все это правда»⁸⁶.

Среди тех, кто откликнулся в печати на «Великий дурман», пожалуй, только де Рибас сумел выявить истинную подоплеку бунинских филиппик против русского народа и интеллигенции:

«Бунин! Да ведь это и есть та самая русская интеллигенция, и не только русская интеллигенция, но и тот самый русский народ, со всеми чертами и новой, и древней Руси, которые он так жестоко охарактеризовал. Откуда почерпнул Бунин свой могучий талант, если не из русского народа, если не из той самой деревни, которую он описал так правдиво только потому, что сам из нее вышел? <...>

Он бичует русский народ, но сам же его и любит. И больше всего он любит ту самую древнюю Русь, в которой видит столько отрицательных черт. Да кто, кроме русского писателя, станет говорить про свой народ столько жестокой правды? И кто будет говорить правду о том, чего он не любит? <...>

Тайна гнева Бунина в том, что он считает, по праву, русский народ своим. Он не хочет, чтобы его коверкали, чтобы говорили о нем ложь, чтобы над ним производились интернациональные эксперименты, чтобы его, темного, забитого,

⁸³ Вальбе Б. «Великий дурман»: (Из лекции И.А. Бунина). С. 4.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Рибас А., де. Фельетон: О второй лекции Бунина. С. 4.

нуждающегося в ласке и силе, толкали преждевременно в революцию. К своему народу Бунин относится ревниво, любя его превыше всего другого. <...>

Отсюда вывод: покуда есть у нас русские Бунины, нам не страшно за Россию»⁸⁷.

Поистине враждебно отнеслась к «Великому дурману» левая печать Одессы. Именно ее в первую очередь имел в виду Бунин, когда писал в «Южном слове» в ноябре 1919 г.: «В Одессе после моей лекции о русской революции, после двух, трех моих статей в газете начали дерзить мне, начали на меня злобствовать, умышленно исказить мои слова и даже приписывать мне то, что я никогда не говорил»⁸⁸.

Особенно неистовствовал по поводу «Великого дурмана» сотрудник меньшевистских газет «Одесские новости», «Рабочее слово» и «Грядущий день» П.С. Юшкевич, родной брат писателя С.С. Юшкевича, с которым у Бунина были весьма теплые, приятельские отношения. В пылу полемического задора П. Юшкевич писал: «Ущемленный какими-то неведомыми фармацевтами еще много лет назад и заговоривший вдруг тоном пророка Бунин действительно “упрямо твердил” о своем знании народа как единственно правильном, забыв и чеховские образы мужиков, и замечательные наблюдения Гарина-Михайловского (относящиеся к началу 80-х годов) и недооценив изумительное творчество Г. Успенского, в котором, собственно, дано — и с каким мастерством и силой, с какой широтой охвата! — все то, что развивал потом на новом матерьяле Бунин, но в котором сказано о мужике и многое такое, чего нет в <рез>ком, сухом, насквозь желчном бытописании Бунина»⁸⁹.

Наибольшее раздражение у журналиста вызвало бунинское неприятие революции и нападки на русскую интеллигенцию: «Не добрая или злая воля интеллигенции и не ее нежелание слушаться Бунина повинны в том, что “случилось то, что должно было случиться”⁹⁰. Самодержавие было беременно революцией, и последняя была непредотвратима. И если бы публицист Бунин был меньше занят мыслями о правоте Бунина — бытописателя деревни, и если бы, оставив цитаты из Олеариев, Крижаничей и других авторов о порочности русского народа, он постарался серьезнее разобраться в происшедшем, то он не ограничился бы низыванием фактов тупости, дикости и зверства, совершенных за эти годы колоссального переворота. Ведь это работа, которую может произвести любой мелкий хроникер, и она всегда будет потрясать красноречием живой жизни. Важно было бы разобраться, почему это он, Бунин, только и находит, что хулу на революцию, а вот значительная часть интеллигенции — “меньшевики всех мастей”, как выражался односторонний в своей желчности лектор, — <хотя> и осуждая все ужасы революции, не произносит над ней обвинительного приговора»⁹¹.

По мнению Юшкевича, если бы писатель «умел вдумчиво отнестись к совершившемуся, то он бы понял, что “меньшевики всех мастей” страдают не каким-то

⁸⁷ Рибас А., де. Фельетон: О второй лекции Бунина. С. 4.

⁸⁸ Бунин И. Заметки // Южное слово. 1919. 8 (21) нояб. № 67. С. 1.

⁸⁹ Юшкевич П. Революция перед судом художника: (Из лекции Бунина). С. 3.

⁹⁰ Слова Бунина из «Великого дурмана».

⁹¹ Юшкевич П. Революция перед судом художника: (Из лекции Бунина). С. 3.

дефектом мысли, что в них говорит не фетишизм революции, а то основное завоевание исторической мысли 19 в., которое грубо можно выразить словами Гегеля о разумности всего действительного. В таком огромном, мирового значения, факте, как российская революция, должен быть свой “разум”, свой смысл, и он, конечно, не откроется тому, кто, нарядившись в одеяние пророка, будет, однако, подходить к истории с пониманием и мерилом уголовного репортера...»⁹²

В заключение, признавая, что в стихах и прозе Бунин сказал «очень много ценного», Юшкевич в то же время отмечал: «...Бунин-художник — одно, а Бунин — публицистический обличитель революции — другое. И это другое — увы! — не высоко ставит его над уровнем обывательской массы, не говоря уже об уровне так легковесно оцениваемых им событий...»⁹³

Гораздо сдержаннее высказалось о «Великом дурмане» социалистическое «Народное слово». По первым строкам в его отчете у читателя даже могло возникнуть впечатление, что газета сочувствует позиции Бунина: «Яркий, красочный язык, выпуклые, художественные образы, местами тонкий юмор, а моментами — высокий пафос — все заставляет слушателя без утомления сидеть в ужасающей духоте переполненной аудитории. Лектора слушают, ему аплодируют, а после лекции о ней много говорят»⁹⁴.

Однако окончательный вердикт газеты в отношении бунинской лекции очень напоминал то, что о ней и ее авторе писал П.С. Юшкевич: «Безобразная тоска, острая злоба, обывательская жестокость — вот что пробуждается в слушателе красивым словом лектора, но нет того, в чем мы больше всего нуждаемся, нет истинной бодрости, нет великой любви к родине, к родному народу, нет активной воли к творчеству новой жизни, нет свежего нового слова, которое могло бы стать лозунгом, могло бы дать ту веру, которая горами двигает. Лектор не видит и не указывает никакого выхода. Да, великий дурман охватил нас, но эта красочная лекция нисколько не рассеивает его. Кажется, что к прежнему дурману прибавился еще новый»⁹⁵.

«Радостной» альтернативой бунинскому «контрреволюционному» пессимизму, запечатленному в «Великом дурмане», газета противопоставила «огромные плакаты, пестрящие в вестибюле университета: “Да здравствует всероссийское учредительное собрание!”»⁹⁶.

Несомненно, Бунин был осведомлен о том, как одесская печать отозвалась на его лекцию. Однако только задиристая, провокационная рецензия П.С. Юшкевича задела его самолюбие. Писатель довольно едко ответил своему обидчику в очередных «Заметках», напечатанных в «Южном слове» 20 октября (2 ноября) 1919 г.: «Сколько, например, исписал бумаги какой-нибудь Павел Юшкевич, подсчитывая убиенных при погромах евреев, сколько этих уголовных дел зарегистрировал

⁹² Юшкевич П. Революция перед судом художника: (Из лекции Бунина). С. 3.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Н.П. [Петринский Н.Н.] «Великий дурман»: (Лекция И.А. Бунина) // Народное слово. 1919. 23 сент. (6 окт.). № 8. С. 4.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же.

он, сколько сказал жестоких слов о зверстве русского народа, когда он громил евреев! А посмотрите, как, наряду с этим, издевается он надо мной по поводу моей лекции о русском народе и русской революции, как горячо заступает за этот же самый народ, как распекает, как поучает меня. “Суждения Бунина сухие, желчные”, — для этих господ вся сложность, вся острота наших великих мук есть только желчь! — “К революции, уважаемый академик Бунин, нельзя подходить с мерилом и пониманием *уголовного хроникера*”... “Гегель говорил о разумности всего действительного... в российской революции есть свой разум, свой смысл”, — и так далее, и так далее. О многомудрый гегелианец, ведь и самое жестокое самодержавие, и чума, и холера может чудесно уложиться в Гегеле; утверждая, что есть разум и смысл в дроблении помещичьих, купеческих, офицерских черепов, можно, следуя логике, дойти до Бог знает каких выводов...»⁹⁷

И потом еще дважды — в «Окаянных днях» и в эссе «Гегель, фрак, метель» (1950) — Бунин возвращался к полемике с одесским журналистом, припоминая ему и Гегеля, и «уголовного хроникера», и «обывательщину»... Это были последние отголоски «Великого дурмана».

* * *

К. Ошар в своей статье об «Окаянных днях» называет их «этапным производением, начиная с которого круто изменилась творческая и личная судьба Бунина»⁹⁸. Также французская исследовательница считает, что для писателя «“Окаянные дни” были первой попыткой самовосстановления после пережитого потрясения»⁹⁹. Однако, на наш взгляд, эти слова с куда большим основанием могут (и должны) быть отнесены к «Великому дурману».

Без признания за этой лекцией по крайней мере одного из ключевых мест в творческой биографии Бунина трудно понять, каким образом прежний «подмаксимок», беллетрист и поэт якобы второго плана, заслоненный в глазах дореволюционной публики фигурами М. Горького, Л.Н. Андреева, А.А. Блока, сделался в эмиграции почти безоговорочным литературным лидером и корифеем, «живым классиком», «писателем земли русской», если и не равным Л.Н. Толстому и А.П. Чехову, то, во всяком случае, стоящим с ними в одном ряду. Нет сомнений в том, что начало такому превращению было положено именно в Одессе в годы Гражданской войны, и едва ли не главную роль в этом сыграл «Великий дурман».

⁹⁷ Бунин И. Заметки // Южное слово. 1919. 20 окт. (2 нояб.). № 51. С. 2.

⁹⁸ Ошар К. «Окаянные дни» как начало нового периода в творчестве Бунина. С. 101.

⁹⁹ Там же. С. 105.